

111. Шляхин Г. Г. Философский анализ представлений о конструирующей природе математического мышления. — В кн.: Методологические проблемы математики. Новосибирск, 1979, с. 211—229.

112. Штейнберг В. А., Абрамов М. А., Жучков В. А. Кант и современность. — Вопросы философии, 1982, № 5, с. 151—155.

113. Штейнберг В. А., Абрамов М. А. Форум кантоведов. — В кн.: Академия наук СССР. Философское общество СССР. Информационные материалы. М., 1982, № 4 (31), с. 22—32.

114. Яковлев В. П. Наука быть человеком (К 200-летию филос. трактата Канта «Критика чистого разума»). — Изв. Сев.-Кавк. научн. центра высш. школы. Обществ. науки, 1981, № 1, с. 45—49.

115. Яшенькина Р. Ф. Своеобразие художественного метода Г. Клейста в драме «Принц Гомбургский» (Клейст и правовые концепции Канта). — В кн.: Зарубежная литература. Проблема метода. Вып. 1. Мировоззрение и метод. Л., 1979.

*Д. М. Гринишин,
В. И. Шароградский*

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: «И. КАНТ. ТРАКТАТЫ И ПИСЬМА»

Выход в свет сборника кантовских работ (Кант И. Трактаты и письма. М., Наука, 1980), не вошедших в фундаментальное шеститомное издание собрания сочинений философа (Кант И. Сочинения в шести томах. М., Мысль, 1963—1966), является новой интересной страницей в развитии советского кантоведения. Пожалуй, прежде всего сборник важен тем, что в нем читатель находит самую полную по сравнению с предшествующими изданиями на русском языке публикацию работ Канта о религии, составляющих неотъемлемую часть кантовской философии в целом. К ним относится трактат «Религия в пределах только разума» (1793, 1794), первая часть которого опубликована в 4 (2) томе шеститомного издания, а также две статьи: «О неудачах всех философских попыток теодицеи» (1791), впервые публикуемая на русском языке, и «Конец всего сущего» (1794) (журнальная публикация в переводе А. В. Гулыги — 1973). Другие трактаты, включенные в сборник, — «Логика» (1800) и «О педагогике» (1803) — являются текстами лекций, обработанными учениками философа. Они не только расширяют наше представление о многогранной педагогической деятельности Канта, но и позволяют точнее уяснить идеи мыслителя в данных областях исследований. Несомненный интерес

для читателя, представляют и другие работы Канта, в частности, статья «Предполагаемое начало человеческой истории» (1786), а также избранные письма, большинство из которых публикуется на русском языке впервые. Хотя эпистолярное наследие Канта сравнительно невелико, оно является очень ценным дополнением к трактатам и статьям философа: наряду с высказываниями и оценками, характеризующими развитие его учения, в письмах ярко выступает личность выдающегося мыслителя.

Публикуемые в сборнике сочинения Канта относятся к последнему периоду его творчества, когда основные положения «критической философии» уже были четко сформулированы и систематизированы. Исключение составляло только учение о религии, постоянно присутствующее в «Критиках», особенно в «Критике практического разума», но еще не развернутое в них в форме последовательной концепции. Приступая к решению этой задачи в работе «О неудачах всех философских попыток теодицеи», Кант подчеркивает, что философская теодицея стремится доказать и оправдать божественную мудрость в мире, но все эти ее попытки неизменно оказывались неудачными. Суть в том, по мнению Канта, что сама теодицея несостоятельна, и вопреки Лейбницу теоретически доказать постулаты религии невозможно. Самое главное возражение Канта заключается в том, что в мире существуют зло, несправедливость, преступления, которые теоретический разум не в состоянии совместить с идеей бога. Но разум не может доказать и обратное — ложность религиозного сознания, а потому сама эта проблема является не проблемой теоретического разума, а проблемой нравственной. «Аутентичное истолкование» бога, пишет Кант, «принадлежит уже не мудрствующему (спекулятивному) разуму, но *властительному* практическому разуму, который по причине своего безраздельного и непререкаемого господства в законодательстве может рассматриваться как непосредственная декларация и глас божий, посредством которого он букве своего творения сообщает смысл...» (с. 70).

Таким образом, Кант еще раз формулирует то положение, которое явилось основой «Критики практического разума», но теперь его уже интересует не проблема примата практического разума в его соотношении с теоретическим, а связь нравственности и религии.

Эту задачу Кант решает в трактате «Религия в пределах только разума». Уже само название этой работы указывает на совершенно иную по сравнению с ортодоксальной религией точку зрения: заключая религию «в пределы только разума», философ подчеркивает, что не нравственность основана на вере, а, наоборот, вера на нравственности.

Наряду с трактатом «Религия в пределах только разума» другой крупной работой, опубликованной в сборнике, являются

обработанные учеником Канта Г. Йеше лекции по логике. В редакционных примечаниях к этой работе читатель найдет сжатую характеристику ее создания и познакомится с состоянием вопроса о соответствии изложенных в «Логике» идей взглядам самого Канта. Сейчас можно довольно уверенно утверждать, что при наличии ряда несоответствий положений данной работы с другими произведениями философа в целом она принадлежит именно Канту, хотя, по-видимому, отражает идеи, развиваемые мыслителем на различных этапах его деятельности.

Кант читал курс логики в университете более 50 раз: с 1755 г., когда он получил приват-доцентуру и, следовательно, право на преподавательскую деятельность, и вплоть до ее окончания в 1796 г. В течение первых десяти лет Кант читал свой курс, основываясь на учебнике вольфианца Баумейстера, а затем — тоже вольфианца Мейера. О том, как читал Кант логику по Мейеру, можно представить со слов одного из его студентов, слушавших лекции философа в 1795 г.: «Кант читает по старой логике, именно Мейера, если не ошибаюсь. На лекции он всегда приносит с собой эту книгу... Все листы мелко исписаны его рукой, и сверх того многие печатные страницы заклеены бумагой, а многие строчки зачеркнуты, так что, насколько я могу судить, от мейеровской логики почти ничего не осталось. Из его слушателей ни один не имеет книги и просто пишут за ним. Но он, кажется, этого совсем не замечает и с большой верностью следует своему автору от главы к главе, а затем исправляет его или, лучше сказать, говорит совсем иное, но с такой невинностью, что если судить по его виду, он совершенно не отдает себе отчета, что говорит иное» (цит. по: Марков И. К. Возникновение «Логики Канта» — В кн.: Кант И. Логика. Пг., 1915, с. XI—XII.)

Как отмечают редакторы сборника, исследователи «Логики» уже давно обратили внимание на расхождение между отдельными формулировками в тексте и отличия некоторых из них от соответствующих положений Канта в других его сочинениях, на несвойственный философу сжатый стиль, дробление текста на множество самостоятельных фрагментов и параграфов и т. д. Но не стоит удивляться этим особенностям и приписывать их исключительно внешним влияниям. «Логика» Канта, несмотря на отдельные фрагменты из метафизики, гносеологии и истории философии, в основном и главным все же соответствует задаче, которую ставил перед собой философ: дать своим слушателям изложение основ *формальной*, или, как он ее называет, *общей* логики, т. е. того типа логики, который в «Критике чистого разума» и в «Критике способности суждения» играет роль исходного материала и почти не рассматривается специально. И в этом смысле знакомство с «Логикой» Канта представляет несомненный интерес, так как позволяет уточнить исходные

принципы его априоризма и агностицизма, конкретизировать основы дедукции категорий из суждений и дедукции идей из умозаключений, яснее представить понимание Кантом основных форм мысли и их взаимосвязи между собой и т. д.

Понятно, что разница предмета исследования в «Критиках» и «Логике» вызвала и различную форму изложения материала, к тому же обусловленную в «Логике» и задачами обучения студентов. Поэтому, например, слишком мелкое дробление текста, столь нехарактерное для других работ Канта, в тексте «Логики» было не только уместным, но даже необходимым.

Каковы же основные идеи Канта в области формальной логики?

В отличие от отдельных проблем и замечаний по формальной логике в предыдущих сочинениях, «Логика» посвящена систематическому изложению предмета. Обширное «Введение» к ней Кант начинает с изложения задач логики, которая, по его мнению, занимается изучением правил рассудка (с. 319). По каким же правилам действует рассудок? Отвечая на этот вопрос, Кант, прежде всего, отмечает, что эти правила необходимы и как таковые относятся только к форме, но отнюдь не к материи. Такую науку «об одной лишь форме вообще, — подчеркивает Кант, — мы называем логикой» (с. 320). Этот радикальный формализм в области логики фактически является основой всех специфических особенностей кантовской философии. Рассматривая логику как правила мышления, независимые от реальности, «от объектов как материи», философ утверждает, что она является основой всех других наук, но, отвлекаясь от всяких объектов, является не органом, а лишь каноном знания, т. е. не может служить способом открытия научных истин и служит лишь пропедевтикой употребления рассудка (с. 321). В этом отношении общая логика принципиально отличается от математики.

В кратком изложении истории логики Кант, прежде всего, упоминает Аристотеля, называя его «отцом логики» (с. 328). Впрочем, оценка Кантом логики Стагирита весьма противоречива: с одной стороны, утверждается, что его трактовка схоластична и почти не имеет пользы, с другой же — что Аристотель дал настолько фундаментальное изложение логики, что вся дальнейшая работа в этой области сводится к приобретению большей точности, определенности и отчетливости (там же). Вероятно, здесь сказалось стремление Канта к большей по сравнению с Аристотелем формалистичности в понимании и изложении логики. После Аристотеля Кант, опуская огромный исторический период в развитии логики, сразу же переходит к Ламберту, не усматривая в его «Органоне» какого-либо развития логики, и затем отмечает, что лишь Лейбниц и Вольф продвинули вперед «общую логику». Надо думать, что такая оценка определяется в целом совпадением взгляда Канта и этих

его предшественников на формалистический характер общей логики.

Среди других вопросов собственно формальной логики, изложенных в трактате, обращает на себя внимание суждение Канта о критериях истинности, каковыми считаются закон противоречия и тождества (справедливо, по нашему мнению, толкуемый как единый закон), закон достаточного основания и закон исключенного третьего. Эти законы Кант связывает соответственно с проблематическими, ассерторическими и аподиктическими суждениями (с. 360). Если вспомнить, что с этими же типами суждений в «Критике чистого разума» связываются категории модальности, то становятся весьма понятными подлинные истоки и значение этих категорий в «метафизике познания». Представляется, что это очень интересная проблема кантовской философии вообще, решение которой не только проливает дополнительный свет на ряд ее принципиальных положений (прежде всего на характер кантовского агностицизма и априоризма), но и дает понимание путей развития послекантовской логики и гносеологии, с одной стороны, в направлении Фихте, с другой — в направлении Шопенгауэра.

«Общее учение об элементах» «Логики» посвящено традиционным вопросам формальной логики — понятиям, суждениям и умозаключениям. Оно содержит положения о связи понятий с суждениями и умозаключениями и вопрос о четырех фигурах силлогизма. Обратим лишь внимание читателя на весьма интересную классификацию умозаключений, которую Кант приводит в третьем отделе. Здесь он трактует об умозаключениях рассудка, умозаключениях разума и умозаключениях способности суждения. Анализ этого вопроса, несомненно, несет на себе печать влияния идей «Критики чистого разума» и «Критики способности суждения» и в свою очередь позволяет логически точнее понять структуру и характер соответствующих способностей познания. Не лишне, пожалуй, отметить, что в данном отделе фактически содержится в зародыше классификация умозаключений, развернутая Гегелем в третьей части его «Науки логики».

Не останавливаясь на других работах Канта, опубликованных в сборнике, отметим еще раз, что наряду с трактатами о религии и о логике они содержат немало глубоких и интересных идей, знакомство с которыми позволяет составить более полное представление о творчестве мыслителя.

Выход в свет сборника работ Канта «Трактаты и письма» стал возможен в результате плодотворной деятельности группы исследователей-переводчиков во главе с ответственным редактором издания А. В. Гулыгой. Насколько мы можем судить, перевод произведений Канта выполнен на высоком профессиональном уровне, характеризующемся и глубоким смысловым пониманием лексики кантовского текста, и точностью его концептуального выражения на русском языке (разумеется, в пре-

делах возможности адекватной передачи оттенков мысли с одного языка на другой). Положительной оценки заслуживает и научный аппарат сборника. Примечания и комментарии, составленные В. А. Жучковым при участии А. В. Гулыги и А. А. Столярова, не только воспроизводят соответствующий аппарат немецкого академического издания собрания сочинений Канта, но в ряде случаев существенно дополняют его.

Вместе с тем следует отметить, что комментарии к публикуемым сочинениям Канта, с нашей точки зрения, слишком лаконичны, а потому недостаточно содержательны, уступая в этом отношении шеститомному изданию. В комментариях следовало бы, на наш взгляд, дать краткую характеристику и оценку идей основных произведений, публикуемых в сборнике. Это существенно бы облегчило понимание текста читателями-неспециалистами.

Такую задачу не решает и вступительная статья А. В. Гулыги «Кант сегодня». В ней лишь затрагиваются отдельные положения некоторых из публикуемых работ Канта, в частности, трактатов «Религия...» и «Предполагаемое начало человеческой истории», но не дается даже краткий систематический анализ ни этих, ни других произведений. Причина этого заключается, конечно, только в том, что автор и не ставил перед собой такой задачи. Но тогда остается не ясно, какую цель имеет публикация статьи как вступительной к сборнику.

Существенно иная оценка статьи А. В. Гулыги напрашивается, когда рассматриваешь ее как самостоятельное научное произведение, поскольку она отражает хорошее знание творчества Канта, высокую теоретическую культуру автора, раскрывающего развитие и характер «критической философии» в широком историческом контексте. Не будем обсуждать некоторые конкретные положения статьи А. В. Гулыги (например, его утверждение, что изучение философии Канта целесообразно начинать с «Антропологии», или мысль о том, что прежде чем Кант стал «пруссским Юмом», он определился как «пруссский Сократ»), так как этот вопрос выходит за пределы нашей задачи. Несомненно, однако, что обсуждаемые в статье проблемы дают существенный толчок дальнейшему развитию советского кантоведения.